

ОТВЕТ НА (ТАК НАЗВАННЫЙ) ОТВЕТ ГОСПОДИНА Ф. Б.... ЖИТЕЛЮ ГАЛЕРНОЙ ГАВАНИ *

Вы правы, милостивый государь мой, сказав, что невозможно требовать одинакового совершенства от людей, занимающихся науками, искусствами и даже ремеслами; что это зависит от физической организации и нравственного образования наших способностей. Убеденный справедливостию мудрого вашего замечания, принимаю смелость распространить его не только на одних сочинителей, художников и ремесленников, но даже и на тех, которые присвоивают себе имя знатоков словесности, изящных искусств и проч. Видал я людей с истинными познаниями, которые, любясь картиною хорошего современного живописца, хвалили в ней смелую кисть, богатство изобретения, правильный колорит — и досадовали на какую-нибудь уродливую руку или ногу, на какой-нибудь из окружающих предметов (*accessoires*), поставленный не у места, на какую-нибудь грубо положенную тень. Они громко изъявляли свое мнение, и живописец, если жалкое самолюбие и неограниченная уверенность в собственном достоинстве не успели еще заразить его, принимал с благодарностию их замечания, поправлял свою картину, — и картина становилась совершенною. Видал я также и знатоков-самозванцев, которые, не разумея ничего в живописи, но будучи предубеждены в пользу живописца, хвалили без разбору все, даже пятна, оставшиеся от прикосновения неопрятной руки. Для них все было совершенством, потому что истинное совершенство выше их понятий. То же самое примечал я и между самозванцами-знатоками в словесности **. Такие парнасские мухи льнут ко всему, питаются всем и жужжат от удовольствия. Не удивительно: природа не одарила их тем разборчивым вкусом, посредством коего могли бы они отличать мед от гнилой тины.

Не применяя сего краткого предисловия к личности, имею честь посвятить его вам, почтенный Ф. Б.! Соблюдая всю благопристойность в выражениях, которую, мимоходом сказать, вы сочли за мелочь в отношении ко мне, намерен я со всем чистосердечием изложить мнения свои

* См. «Сын отечества» на 1821 год, кн. 9, с. 61.

** Таким образом мне удалось слышать, что один из наших присяжных судей по части словесности¹ называет ваш ответ образцовым. Он подлинно может служить образцом того, что можно много раз говорить и ничего не сказать.

о предмете, возбуждившем в вас столь неумеренное против меня негодование.

Будучи одним из почитателей (но не слепых и раболепных) таланта нашего отличного стихотворца В. А. Ж....., я так же, как и прочие мои соотечественники, восхищался многими прекрасными его произведениями. Так, милостивый государь мой, и я, хотя не имею чести быть орлиной породы, смел прямо смотреть на солнце, любовался блеском его и согревался живительною его теплотою, до тех пор пока западные, чужеземные *туманы* и *мраки* не обложили его и не заслонили свет его от слабых глаз моих, слабых, потому что не могут видеть света сквозь мрак и туман. Говоря языком общепонятным, я с восхищением читал и перечитывал «Певца во стане русских воинов», перевод Греевой «Элегии», «Людмилу», «Светлану», «Золую арфу», многие места из «Двенадцати спящих дев» и разные другие стихотворения г-на Ж..... Но с некоторого времени, видя имя его, появляющееся под стихотворениями, в которых все немецкое, кроме букв и слов,—восторг и удивление во мне уступили место сожалению о том, что стихотворец с такими превосходными дарованиями оставил те средства, которыми он усыновил русским «Людмилу», «Ахилла» и столько других произведений словесности чужестранной... оставил, и для чего же? Чтобы ввести в наш язык обороты, блески ума и беспонятную выпренность нынешних немецких стихотворцев-мистиков! Если, как весьма справедливо заметил один рассудительный критик по случаю разбора баллады «Ольги» *, первые баллады г-на Ж. породили толпу подражателей, которые жалким образом его передражничали, не умея подражать красотам, рассыпанным щедрою рукою в прежних его произведениях, то мудрено ли, что теперь люди с посредственными дарованиями, или вовсе без дарований, с жадностью подражают в нем тому, что находят по своим силам... Истинный талант должен принадлежать своему отечеству; человек, одаренный таковым талантом, если избирает поприщем своим словесность, должен возвысить славу природного языка своего, раскрыть его сокровища и обогатить оборотами и выражениями, ему свойственными. Гений имеет даже право вводить новые, но не иноплеменные, и никогда не должен выпускать из виду свойства и приличия языка отечественного.

* См. «Сын отчества», 1816 года, кн. 19².

Из сего вы можете видеть, г-н Ф. Б., что не *невежество* и *зависть* принудили написать разбор баллады «Рыбак», а истинная беспристрастная любовь к отечественному языку и словесности, которые да сохранит бог от всякой примеси чужеземной и даже от суждений чужеземных писателей-самоучек!.. Из сего можете также вывести заключение, с большею основательностью, нежели прежде, кому приличнее название *литературной черни*, — тем ли, которые вникают в дух и свойства природного своего языка и словесности и находят хорошее хорошим, а дурное дурным, или тем, которые, подобно черни уличной, разиня рот, без разбора всему удивляются?

Теперь обратимся к балладе «Рыбак», переведенной, по словам вашим, как нельзя лучше, г-ном Ж. Разбирая оную, мне никакой нужды не было до немецкого подлинника, о котором я знал, однако ж, *понаслышке*: я находил странным то, что действительно странно на русском языке, а может быть, и на немецком. Но вы, говоря, что *перевод весьма близок к подлиннику, что невозможно ближе перевести из стихов в стихи и что всякой знаток немецкого языка легко удостоверится в справедливости сего*, возбудили во мне охоту знать точное содержание Гетевой баллады. Некоторые особы, знающие в равном совершенстве языки немецкий и русский, приняли на себя труд вразумить меня в сем случае: под их руководством я познакомился короче с сею перлою германской словесности. Вот почти буквальный перевод оной:

«Вода шумит, вода вздымается; рыбак сидел на берегу, спокойно смотря на уду; прохлада проникала его до самого сердца. И между тем, как он сидит, как он смотрит, раступается влага: из взволновавшейся воды выходит мокрая женщина.

Она поет ему, она говорит ему: «На что ты манишь моих детей с человеческим лукавством и хитростию наверх, в смертоносный пыл? Ах! если бы ты знал, как рыбкам хорошо на дне, ты сошел бы сюда сам, как есть, и тогда бы только было тебе легко» *.

Не нежится ли прелестное солнце, не нежится ли месяц в море? Не возвращается ли их лик, освеженный волнами, вдвое прелестнее? Не манит ли тебя собственный образ твой сюда, в вечную росу?

* Und würdest erst gesund (слово в слово) — и тогда бы только был здоров.

Вода шумит, вода вздымается, омочает его босую ногу; сердце его, исполненное непреодолимого влечения, расширяется как бы от приветствия любезной. Она говорит ему, она поет ему: судьба его была решена! Отчасти она влекла его, отчасти он сам склонялся к ней — и вдруг не стало ничего видно!»

Где же здесь *прохладная тишина в душе и влажная голова?* Где *родное дно и кипучий жар, знойная вышина и прохладно-голубой свод неба?* Таков ли последний куплет подлинника, каков он в переводе? Неужели *нога и берег* одно и то же?.. Ах, господин антикритик! Видно, и вы небольшой знаток или немецкого, или русского языка, а может быть, и обоих; может быть, даже... но куда не заведет это «может быть»? *Знатоки словесности* найдут в ответе вашем одни излишние и вовсе ненужные выписки, дополненные тем, что баллада «Рыбак» восхищает всю Германию, что она положена на музыку одним из знаменитейших германских *музыкантов*³ и сделалась любимой народной песнею. От всей души моей желаю им петь ее и восхищаться; но сказать ли вам чистосердечно? Это ничего не доказывает! Если бы вы потрудились переложить ваш ответ в стихи и какой-нибудь знаменитый композитор музыки вздумал на них сочинить прекрасную ораторию, то ее пели бы и слушали с удовольствием, не заботясь о том, что в стихах столь же много было бы хорошего, сколько теперь в прозе. Доказательством тому могут служить почти все итальянские оперы (исключая *Метастазиевы*⁴): музыка *Чимароза* и *Паизиелло*⁵ нас восхищает; хотим прочесть стихи самой поэмы — и находим бестолковый набор слов!

Где вы нашли, г-н Ф. Б., что русалки были водяные нимфы? Неужели в опере «Днепровская русалка»?⁶ Мы так мало знаем верного о древней славянской мифологии, что никак не должны говорить о божествах ее утвердительно. Если же основываться на преданиях и народных суевериях, то русалки скорее были нимфы лесные, нежели речные, ибо в Малороссии существует и доныне поверье, что на зеленой неделе, или о семике⁷, русалки бегают по лесу, цепляются за деревья длинными своими зелеными волосами и качаются на оных; что сии русалки суть тени или призраки удушенных и что они щекочут до смерти человека, которого поймают одного в лесу. По сей причине деревенские девушки и даже мужчины боятся ходить одни

в лес на помянутой неделе; но, собираясь толпами, смело идут заплетать венки, ибо думают, что русалки не показываются людям, когда их много. Есть между сими простодушными людьми такие, которые уверяют будто бы сами они видали русалок *.

Определение ваше слова «баллада», весьма не полно и сбивчиво: вы говорите, что *баллада есть стихотворение, в котором повествуется чудесное или необыкновенное происшествие*. Поэтому эпическая поэма есть также баллада, волшебная сказка в стихах есть также и баллада, и Овидиевы превращения суть не что иное, как собрание баллад? Впрочем, я благодарю вас за сие определение: оно будет помещено в моей литературной кунсткамере между недоростками или уродами от недостатка органических частей. Надеюсь, что оно послужит многим для пользы и удовольствия **.

В каких книжках «Невского зрителя», если смею вас спросить, прочитали вы три мои критические разбора прежде появления в свет разбора баллады «Рыбак»? Это также ваши догадки, но догадки бывают часто весьма неосновательны ⁹.

Будьте откровенны и скажите, что вы отвечали сим ответом? Какое было ваше намерение? Доказали ли вы, что стихи в русской балладе «Рыбак» хороши, что выражения, мною из нее выписанные, не нарушают ни вкуса, ни языка? Что замечания мои несправедливы и почему они таковы? А это бы, кажется, должно быть целию вашего так названного ответа. Но вы начали высокопарною выходкою против *мелких сотрудников великих умов*, потом

* Мнения г.г. Попова и Кайсарова, писавших о славянской мифологии, касательно сих нимф основаны на одних догадках ⁸.

** Для пользы и удовольствия равно помещаю я в разряд литературных наростов и грибов одно умозаключение, в котором последнее весьма мастерски выведено из предыдущего. Вот оно: «Осыпанный глухими похвалами литературной черни, он столь же счастлив в своем мрачном углу, как Рафаэль или Петрарка, увенчанные в Капитолии, ибо счастье находится в нас самих и измеряется числом приятных ощущений. Прекрасно! *Vasculum in angulo stat, ergo pluit.* (Посох стоит в углу, следовательно, идет дождь (лат.)).»

Я умел также оценить по достоинству заплесневелую фигуру противоположения, находящуюся в начале сего ответа. Особенно мне нравится то место, где Рафаэль входит в сличение с стенным живописцем. Не с тем ли, который некогда расписывал стены Ватиканской галереи, названные по его имени (Loggie di Rafaele)? Сочинитель говорит вообще; посему думать надобно, что и сей стеной живописец также принадлежит к числу *мелких сотрудников великих умов*.

вооружились против меня и читателей «Невского зрителя», между которыми, сколько мне известно, есть особы, заслуживающие отличное уважение. Отсюда вы перешли к суевериям разных народов, от сих к Шлегелю и Бутервеку и, наконец, к г-же Сталь, из которой выписываете длинную, мистическую похвалу Гетевой баллады, в подлиннике и с переводом; далее, выписываете балладу Гете с переводом г-на Ж....; говорите, что все это хорошо и что у всех отличных писателей есть на то похожее. Укоряете меня, что я, для отыскания смысла, перелагал стихи в прозу. Новая странность! Неужели вы до сих пор не знали, что это общепринятый и самый лучший способ делать разбор поэтических произведений? Что люди ученые и знающие словесность употребляли и употребляют сей же самый способ при рассматривании красот в стихах Пиндара и Горация?.. Называете оду в громко-нежно-нелепо-новом вкусе *уродливым исчадием безмозглой головы*, хотя она сочинена известным писателем, подарившим нашу словесность прекрасными сказками в стихах, многими остроумными эпиграммами, также многими сочинениями и переводами в прозе¹⁰. Наконец, вот и вы дошли до доказательств; в чем же состоят они? В одном латинском стихе Публия Сирия¹¹, который справедливее и приличнее может быть применен к вам самим, господин антикритик!

Вы говорите, что «какой-нибудь Галерный Житель назовет Гомерову «Илиаду» нелепицею и самого себя Пиндаром». Из чего могли вы извлечь такой умный силлогизм и какое отношение между Пиндаром и критическим разбором? Учтивости, которыми вы меня изволите удостаивать от начала до конца вашего ответа, названия *Галерным Жителем* и просто *Галерным*, не имеющие никакой силы и значения в русском языке и потому не заключающие в себе никакой остроты,— суть орудия пигмеев, сияющих разить и колоть противников своих хилым тростником. Что же касается до последнего вашего обо мне заключения, то и я мог бы по образцу его составить подобное: но оставляю это, почитая таковые объяснения детскими и низкими замашками, приличными при недостатке доказательств.

Еще благодарю вас, милостивый государь мой, за Мейснерову басенку, в которой малиновка говорит, что *солнце совсем не по ее вкусу*, что, по ее мнению, оно могло бы светить, но не ослеплять *уже чрез меру*. Если этой малиновкой должен быть я, то снова и весьма благодарю вас:

птичка сия не совсем худо поет. Насчет вежливого и хвастливого орла у меня есть небольшое сомнение: точно ли вы уверены, милостивый государь мой, что это орел? Полно, не одна ли из тех птиц, которых Жуи¹² называет «Oiseaux criards»? *

Имею честь быть с надлежащим почтением

Житель Галерной гавани.

ОТВЕТ НА (ТАК НАЗВАННЫЙ) ОТВЕТ ГОСПОДИНА Ф. Б. ...
ЖИТЕЛЮ ГАЛЕРНОЙ ГАВАНИ

Впервые — «Невский зритель», 1821, ч. V, кн. 2, с. 275—290.

Написано в ответ на статью Ф. В. Булгарина «Ответ на письмо к г-ну Марлинскому, писанное Жителем Галерной гавани» («Сын отечества», 1821, № 9, ч. 68, с. 61—73), где подвергалось критике «Письмо к г-ну Марлинскому» О. М. Сомова (см. наст. изд., с. 223—227).

¹ По-видимому, Сомов имеет в виду А. А. Бестужева. См. его «Письмо к издателям» (наст. изд., с. 36—37).

² Речь идет о статье А. С. Грибоедова «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора» (см. наст. изд., с. 158—168).

³ Речь идет о Ф. Шуберте.

⁴ П. *Метастазियो* — итальянский поэт, писал либретто для опер.

⁵ Д. *Чимароза*, Д. *Паизиелло* — итальянские композиторы.

⁶ Имеется в виду пьеса немецкого писателя К.-Ф. Генслера (1761—1825) «*Das Donauweibchen*», переведенная на русский язык Н. С. Краснопольским, опера написана композитором Ф. Кауэром в 1797 г.

⁷ *Семик*. — См. прим. 33 с. 319.

⁸ О славянской мифологии М. И. Попов написал в работе «Описание древнего славянского языческого богословия» (1768). А. С. *Кайсаров* в 1804 г. опубликовал книгу «*Versuch einer slawischen Mythologie*» (на русском языке — «Славянская и российская мифология». М., 1810).

⁹ Булгарин писал по этому поводу: «После появления в свет трех критических разборов того же Жителя Галерной гавани...» (см.: «Сын отечества», 1821, № 9, с. 64).

¹⁰ Имеется в виду П. П. Сумароков.

Публий Сирий (Публилий Сир) — римский поэт I в. до н. э.

Булгарин цитирует следующий его стих: «*Saepe oculi et aures vulgi sunt testes mali*» («Часто глаза и уши народа являются свидетелями зла»).

¹² В.-Ж. Жуи — французский писатель, автор популярных в свое время серий нравоописательных очерков и рассказов, в том числе трехтомника «Пустынник в Гвиане» (1816).

¹³ Цитируется В.-Ж. Жуи, «Пустынник в Гвиане», т. III, с. 229. «Хвалители. Вид чирикающих птиц, обученных повторять: «Псафон божественен!» Хвалители, объединенные в цех, взяли ныне откуп на создание репутаций: газетчики имеют свою долю в этом предприятии».